

IV. ИЗМЕНЕНИЕ МЕСТОИМЕННИЙ

§ 36. Личные местоимения

Тюркск., монг., тунг. **şin* „я“, монг. **šün* и тюркск., тунг. **šün* „ты“, тюркск., монг., тунг., кор. **in* „он, она, оно“ отчетливо распознаются как исконные местоимения единственного числа. И только тюркский язык путем силового ударения либо путем деиктического усиления произвел от *şin*, *šün* форму *şān*, *šān*, в то время как в чувашском языке при помощи протетического гласного *ε* создан свой именительный падеж *εва* „я“ и *εзэ* „ты“. Конечный *-n* основы утратился в именительном падеже, вероятно, на очень раннем историческом этапе, так что мы имеем в монг., тунг. форму *bi* „я“; монг. *ši* (древн. **ši*) „ты“; тунг., маньч. *si* „ты“, маньч. *i* „он“⁶².

В корейском языке личные местоимения первого и второго лица утратились, что может быть объяснено лишь тем, что уже на раннем этапе развития, в силу различных причин, в том числе и социальных, их избегали употреблять. С местоимением *si* „ты“ здесь можно, вероятно, сопоставить выражения *si-nim* „товарищ“, бытующее среди буддийских монахов, *si-at*, *sigat* в обращении между собой жен и паломниц одного, их общего господина и *si-pom* „ты“, с которым обращаются друг к другу мужчины.

Местоимение третьего лица (им. п. *i* основа *in-*) как самостоятельно воспринимаемое склоняемое слово сохранилось только в маньчжурском языке. В корейском языке это *i* в энклитическом последнем употреблении дало детерминированную форму именительного падежа существительных: *šir* „дом“, *šibi* „(этот данный) дом“, *šāi* „слово“, *šāgi* „(это, данное) слово“. В монгольском языке (в монгНГ.) засвидетельствованы еще форма дательного падежа *inada* „ему“ (в переводе „*Subhāṣitaratnaniḍhi*“ — *inadai*), форма винительного падежа *inaji* „его“ и инструментального падежа *inaiat* (по аналогии с первым и вторым лицом). Форма родительного падежа получила широкое применение и в тюркском и в монгольском: монг. *ini* „eius“ дало энклитику *ini*, *-ni*, *-ü* „eius“, а тюркск. *-i*, *-in-* стало современным притяжательным суффиксом третьего лица. К. Грэнбек полагает („*Der türkische Sprachbau*“, стр. 92 —), что тюркск. *-i* первоначально являлось „определенным артиклем“, на что, естественно, следует заметить, что артикль во всех языках представляет собой последнюю стадию в процессе

утрачивания словами своего самостоятельного значения. Значение тюркск. -i как „eius“ (и „eorum“, ср. § 38) несомненно, например: др.-тюркск. qaḡanı „ее король, его король“, qaḡanıza „его королю“ (< qaḡanıp-ya); уйг. jeri „его земля, ее земля“, jeriḡa „к его земле, на его землю“, aḡi „его, ее имя“; тар. eḡi „его, ее имя“; чув. uḡḡa „его конь“ и т. д. Как показывает чув. uḡḡa и как следовало ожидать по аналогии с min, sin, этот -i был первоначально гласным переднего ряда.

В пратюркском этот -in, -i употреблялся после основ как на согласный, так и на гласный, а чувашский сохранил это употребление и поныне. В уйгурском языке, например, еще и в настоящее время засвидетельствовано: ilig qaḡuḡ süingä cäriḡingä „в войсках Илиг-хана“. Однако уже в древнетюркском после основ на гласный возникает как своего рода „вставочный соединительный согласный“ некий -s-, например: тюркск. qaḡa „черный“, чув. ḡuga; с суффиксом третьего лица тюркск. qaḡasy, но чув. ḡuḡi „его чернота, их чернота, чернота того (его)“. Это изменение является, вероятно, результатом совпадения единственного и множественного числа, поскольку первоначально *qaḡa-i обозначало „его или ее черный цвет (чернота)“, а *qaḡas-i „его или ее черные (цвета), тот что из черных (цветов)“; qaḡu „который“, qaḡusi „который из них, один из которых“ и т. д. с тем же самым -s-, который продолжает и поныне существовать в монгольском языке в качестве показателя множественного числа. Этот процесс можно представить себе еще и таким образом: слоговому i после гласного стал предшествовать в качестве антихиатуса -h-, давний h'i, изменившийся в -si.

Родительный падеж энклитически употреблявшегося местоимения *i в тунгусском языке принял форму -in или -n, но в солонском языке встречается также -ini и даже -pini. Здесь также это окончание представляет собой детерминативный аффикс и в синтаксическом атрибутивном сочетании имен выполняет функцию родительного падежа точно так же, как в тюркском, например: beje „мужчина, человек“, gerbi „имя“, beje gerbini, букв. „человек — имя его“ > „имя человека“; žū „дом“, gdi „владелец“, žū gdi „владелец дома, хозяин“; гольд. boa „земля“, baḡo „направление, прямо“ (кор. paḡi- „быть прямым“), boa baḡoni „по направлению к земле, к земле“; гольд. adi (< *adi) „сколько (мн. ч. от „сколько“), „некоторые“ (quot), сол. adinin „некоторые из них“ (quot eorum, quantum eius); тунг. uḡe „гора“, oldon „сторона“, uḡe oldonduni „на склоне горы“ и т. д.

§ 37. Множественное число личных местоимений

В тюркском мы находим от min „я“, sin „ты“ (< min, sin) форму множественного числа biz „мы“, siz „вы“. Так как в корейском языке для „мы“ имеется форма uḡi, которая может представлять собой древнее *wūḡi, *būḡi, находит подтверждение пред-

положение, что тюркск. biz (от *biḡ) тождественно этому кор. *būḡi. В маньч. мы имеем от bi „я“, si „ты“, мн. ч. bue „мы“, sue „вы“, в тунг. bu „мы“, su „вы“, или bun, sun, что указывает на такие исконные формы, как *buḡs, *sue или *buḡ, *sue. В противоположность этому монгольский обнаруживает здесь совершенно своеобразное варьирование гласных: единственному числу *min-, *tin-, *in- разное варьирование гласных: единственному числу *min-, *tin-, *in- соответствуют формы множественного числа *man-, *tan-, *an-. Это варьирование должно рассматриваться, как восходящее к домонгольской или доалтайской стадии развития, так как ничего подобного в языках более позднего происхождения не выявляется. В дотюркском, напротив, *i, *in как самостоятельное слово было заменено формой множественного a~an, например: anuḡ „его (род. п.)“, anu „его (вин. п.)“, ana „ему“, anda „там“, andi „так“, aḡi „туда“. Таким же образом и форма именительного падежа *a оказалась вытесненной в пользу слова oi. Можно предположить, что в балк. inbi „тот, тот вот“ еще продолжает жить на почве тюркских языков древнее in⁸⁸.

В монгольском языке древнего периода употребление множественного числа anu „eorum“ (род. п.), ani „eos“ (вин. п.) было еще общепринятым (в монгНТ. засвидетельствован еще и дат. п. andur „eis“), однако в дальнейшем различие между in и an стерлось, причем форма род. п. anu была вытеснена формой ед. ч. inu⁸⁹. Именительный падеж ba „мы“ также вышел из употребления, уступив свое место форме bida („мы“ < *bi-la „я и вы“)⁹⁰, тогда как формы косвенных падежей manu~*manu-ai „нас“, man-dur „нам“, напротив, до сего времени повсюду употребительны. Род. п. manu „нас“, дат. п. mandur „нам, к нам“, вин. п. man-i „нас“, как и тунг. min, имеют эксклюзивное (выключающее) значение, т. е. подразумевается исключение из числа обобщаемых этой местоименной формой лиц того, к кому обращена речь. Для обозначения инклюзивности (включения), т. е. понятия „я и ты“, „я и вы“, как в монгольском, так и в тунгусском имеются особые образования: монг. bida; тунг. biti, miti, где в элементе -d-, -t- опознается местоимение второго лица; маньч. mise „я и ты, я и вы“, где -se напоминает о si „ты“, либо sue „вы“⁹¹. В тунгусском языке, энклитически употребляемое biti принимает иногда (в глагольных формах) сокращенный вид -p, в других случаях (в именных формах) — сокращенный вид -t.

§ 38. Личные местоимения в энклитическом употреблении

С древнейших времен личные местоимения в позиции после ударного слова становились безударными. В положении после большинства глагольных форм это случалось чаще всего с местоимением в именительном падеже, а после имен и некоторых глагольных форм — с местоимением в родительном падеже, что привело к сведению такого местоимения до положения аффикса. Это

развитие особо характерно для пратюркского языка, ибо уже в древнетюркском, как это показывает чувашский язык, имелись притяжательные суффиксы, которые представляют собой результат длительного развития. Др.-тюркск. qaγanum „мой государь (кахан)“ получило свой -m (в данном случае с соединительным гласным -y-) от древней сокращенной формы местоимения mǎn „я“ (ср. калм. garṃ~garṃṡ „моя рука“, emegemṡ~emṡm „моя старуха“ < gar-mini, emegem-mini). Окончание в qaγanum; z „наш кахан“ следует сопоставить с biz „мы“; в слове qaγanī „его кахан, ее кахан“, ставшем в дальнейшем qaγanu, окончание -i представляет собой рассматривавшееся выше местоимение третьего лица⁷⁷. Это же i~-y, ставшее широким э~э̄, дало в якут. aγa-ta „его отец“, дат. п. aγa-ty-γa „его отцу“, вин. п. aγa-ty-n „его отца“. Тюркский принял возникшую таким путем форму именительного падежа как исходную для парадигмы склонения имен с притяжательными местоимениями: qaγanuma „моему кахану“, qaγanuda (< qaγanin-ga) „его кахану“, maγuṡun-ṡa „по (совету) моего учителя“; монгольский же и тунгусский, напротив, присоединяют энклитические притяжательные суффиксы вслед за падежными окончаниями: монг. aqadur mini (калм. aγadṡ) „моему старшему брату“; тунг. žūla-w „в моем доме“.

Притяжательный суффикс 2 л. ед. ч. -ŋ (-yŋ)~-γ (-y) трудно поддается объяснению. Возможно, что здесь перед нами сокращение местоимения sān „ты“, что-нибудь вроде sān > -sān > -hān > -ŋ, а может быть, здесь можно предполагать и кор. pe „ты“. Если в языке некогда имелось -m „мой“ и -muy „наш“, то стремление к последовательности ведет от -ŋ „твой“ к -ŋuy „ваш“; таким образом, в тюркском имелось qaγanum; qaγanumuy; qaγanuy; qaγanuyuz (qaγanuy; qaγanuyuz), но для 3 л. ед. и мн. ч. только qaγanī.

Этот процесс развития, который мы видим весьма прогрессивным уже в древнейшем тюркском, более чем через тысячу лет самостоятельно возникает также в монгольском и тунгусском. В тунгусских диалектах выявляются как личные, так и притяжательные „суффиксы“, но маньчжурский язык (может быть, благодаря влиянию китайского?) либо вовсе не вступал на этот путь, либо уже на очень раннем этапе отказался от него. Что же касается монгольского языка, то здесь остается сомнительным вопрос о наличии такого рода аффиксов в восточномонгольской группе диалектов, где личные местоимения в энклитическом употреблении еще частично сохраняют свою самостоятельность. В бурятском и калмыкском, напротив, это развитие продвинулось далеко вперед, однако и здесь встречаются промежуточные оттенки и промежуточные формы, например: калм. bi inā „я прихожу“, bi inā-w и inā-wi, inā-w; ċi inā „ты приходишь“, ċi inā-ċ и inā-ċi, inā-ċ; mini gar, garmini „моя рука“, garṡṡ, garṡ; ċini gar, gar ċini „твоя рука“, gar -ċini, garċṡ; др.-монг. gar inu „его рука“, н.-монг. gar-ini, калм. garṡ, бурят. garini.

В тунгусском также притяжательные аффиксы произошли от личных местоимений, например: сол. хаҕта(n) „курица“, хаҕтаw „моя курица“, хаҕтаsi „твоя курица“, хаҕтаni „его курица“, хаҕтаmup „наша курица“, хаҕтаti „наша (<-bii букв. „моя и твоя“) курица“, хаҕтасup „ваша курица“; сол. ašinču (тунг. ašinču) „я уснул“, ašinčaš „ты уснул“, ašinča „(он) уснул“, ašinčani „чтобы он уснул“, ašinčamup „мы (наши) уснули“, ašinčasup „вы уснули“, ašinča „уснули“, ašinčatti (диалектное -čarti, -čat; лам. -čar) „я и ты уснули“. В корейском языке, где эти личные местоимения совсем не сохранились, не развились и энклитические притяжательные местоимения. Интересно, что в некоторых тунгусских языках (гольд., негид.) различают две степени владения. Если речь идет о реальном владении, либо об участии во владении, это выражается посредством притяжательных суффиксов: beje del-in „мужчины голова“ < букв. „мужчина — голова его“. Если же связь менее тесная либо только фигуральная, тогда имя осложняется за счет -ŋi~-ŋ: негид. min panda-w „моя кожа (шкура)“, но min panda-ŋi-w „шкура (какого-либо зверя), которую я вам дал“ и т. п., sin oloxi-ŋi-s „твоя белка“, sin bija-ŋi-s „твоя река (где ты удишь рыбу)“ и т. д. (см. VA, стр. 92). Это -ŋi- тождественно тому -ŋi (<-in-ki, § 7), которое принято в качестве окончания родительного падежа.

§ 39. Возвратные местоимения в монгольском и тунгусском языках

Возвратный суффикс в новомонгольском языке (халх., калм.) -ān, -ān обозначается в литературном языке через ijan, ban, -gan, jagan или соответственно ijen, ben, -gen, jügen. Он восходит к некоему *wen, идентичному тунг. wen, мн. ч. wem „сам“. Слово wen искони являлось существительным: тунг. диалектное man, mon „сам“; кор. mom „тело“. Форма мн. ч. *wem > *wem наличествует, пожалуй, в литературном монгольском -ger в слове edeger (ede'er) „эти сами“, tedeger (tede'er) „те сами“, что точно соответствует солонскому elür „эти“, talür „те“ (из *el-wer, *tal-war) (ср. англ. themselves).

Развитие этого слова в аффикс легко проследить в тунгусском языке, а в древнемонгольском языке формы -ben (-wen), -ijen встречаются еще и после гласных заднего ряда; монгНТ. su'udur ijen „у себя под мышкой“, ni'ur ijen „свое лицо“.

В гольдском языке в значении „сам“ употребляется так же, как энклитика, слово beje „мужчина, человек, тело“, сокращенное -bi-: им. п. bi „я сам (себя)“; вин. п. minbiwe „меня самого“, simbiwe „тебя самого“; дат. п. mindu „мне самому“, sindu „тебе самому“, bue „мы сами“, bumbiwe „нас самих“, bundu „к нам (нам) самим“. В монгНТ. встречается также (однажды!) -bejen и be'en (Haenisch, стр. 14 и 15). Исконное *ben~*wem заключено в слове mendü „здоровый“, mendüsin „здоровье“ (см. VA, стр. 31—).

§ 40. Древние указательные местоимения

Указательные *e-* „этот“ и *te-* „тот“, в силу их широкого распространения, должны, вероятно, рассматриваться как наиболее древние указательные местоимения:

1. *Корейский*. Кор. *i, je* „этот“, *tje* (ныне южно-кор. *če*, сев.-кор. *tje, te*) „вон тот, тот“.

2. *Тунгусский*. Тунг. *ä-* (гольд. *je-, e-*) „этот“ в слове *ädu* „здесь“ (гольд. *jeđu, älä (glä)* „здесь, сюда“; лам. *etak, tak (<er-ok)* „прямо этот“, *esi* „сейчас“ (кит.-кор. *si* „час“), *äwäski* „к этому месту“ (кит.-кор. *pa, маньч. ba* „место“); тунгвас. *ewenki* „здешний, тунгусы“; гольд. *ej, ejj* „то“, *esü* „сюда“; тунгвас. *ep-, лам. äp-* „приходить“ (< *e-* *те-* букв. „себя сюда сделать“); тунг. *tä-* „тот“ в слове *täli* „потом“; гольд. *tej, teje* „тот“ с вариантами *ta-, tu-* в слове *tagi* „тот“, *tadu* „там“, *talä* „туда“, *tar-likä* „в том направлении“; гольд. *taosi (<ta-wu-sü)* „туда“, *ta-ja* „та сторона“, *tawar* „тот вон“, *tawarki* „после того, от того, из того“; сол. *tugi (<te-ogi?)*, гольд. *tui* „так“ (< „так“ или „это делающий“); гольд. *to* „вон!“, *to-ti* „вот прямо там!“, маньч. *ere, tere*, мн. ч. *cse, tese (>če)*, *ebele* „здесь“, *ubala (<egü-ba-)* „здесь“, *tubala (<tegü-ba-)*, *tebele* „там“.

3. *Монгольский*. Монг. *en-e* „этот“, *ter-e* „тот, вон тот“⁶⁸, род. п. *egünü, tegünü*, дат. п. *egündür, tegündür*, мн. ч. *ede, tede; ende* „здесь“, *tende* „там“; *edüge* (калм. *odā*) „теперь“ (< **ed-ba*); *edüi* „столько же, столько-то“, *tedüi* „столько“, *teziye* „затем“, монг. *leli* „так“; могол. *te* „тот, вон тот (тот что)“; монгол. *tie* „тот, вон тот (тот что)“, *pie* „этот“.

4. *Тюркский*. В якут. *injä, койб. inžä* „вот так (так, как это)“ (в противовес *anža* „вот этак (так, как то)“, *idi* „так, таким образом“; *car. idä* „в этом роде“; якут. *itiñnä (<*idin-dä)* „сюда“; *бараб. ilä (<*e-lä)* „потом, позднее“; *карагас. te* „тот“; *койб., тат. tigi (<ti- и адъект. -ki)* „вон тот (тот что там)“; чув. *avä* „так!“, *azä (<*av-ki)* „этот“, первоначально **ä-gü, egü-ki; š-avä, š-azä* „прямо так! (вот так, именно так)“, *apla* „таким образом“ (< *ägüker* „образец“ + окончание *-laju*).

Демонстративное *-e* мы находим в монг. *en-e*, мн. ч. *ed-e, ter-e*, мн. ч. *ted-e*; гольд. *eje* наряду с *ej, teje* наряду с *tej*. В значении психологического подчеркивания это же усиление встречается и в чувашском *эвэ „я“, эзэ „ты“, эвиг „мы“, эзиг „вы“, а также в тюркск. *inän, sän*, взамен исконного **min, *sin* (ср. *-ä* в финск. *minä, sinä* против род. п. *minun, sinun*).*

§ 41. Новообразованные и производные указательные местоимения

Наряду с древним лексическим достоянием отдельные языки имеют также местоимения различного происхождения и различной степени давности. Монгольское слово *mön* „сам, как раз тот же самый“ употребляется отчасти в качестве наречия или своего рода

междометия (*mön* „да!, прямо!, как раз!“), отчасти как связка в именных предложениях [*ene kümün mön* „это и есть этот человек (это — этот человек), как раз (именно) этот человек“] и к тому же в качестве определения (*mön činag* „самая суть“). С этим *mön*, которое этимологически соответствует прежде всего тюркскому *bu, *min* (им. п. *bu*, род. п. *minun*), по идее совпадает тюркское слово *ol*⁶⁹.

Это слово тождественно с корейским **ol* в *ol-hä* „нынешний год (в этом году), этот год“, *onal (<ol nal)* „этот день, сегодня“, *orh, oih-* „быть как раз таким, быть верным (правильным)“, а значение „как раз он, как раз этот, точно так“ совершенно ясно и в тюркском: *ol kiši* „этот, (данный) человек, тот человек“, *kiši ol* „это — человек“; алт. *joül, койб. čööl* „не есть, не является“, „не имеет“ (< *joq ol*). Наряду с *ol* тюркский имеет также еще один, первоначально, должно быть, только диалектный, вариант *oš*, и к тому же еще *š-*, чув. *š-* (< **ič*, тунг. *iče* „смотреть“, тюркск. *iš* „смотри-ка!“) с тем же самым значением, например: ср.-тюркск. *oš quz kälti* „смотри-ка, девушка пришла, эта девушка пришла“. Слово *ol* в им. п. стало употребляться взамен **a* „он, она, оно“, мн. ч. „они“. Парадигма склонения: им. п. *ol* „тот“, род. п. *apun, дат. п. ača, местн. п. anda*, представляется результатом компромисса, который и дал позднейшие формы: *onun, oča, onda*. С *ol* соотносится также чув. **le (<*äl <*äl-a <*ol-a)* в словах *lege* „там“, *leja* „туда“, *lej alla* „к руке“, *laš, lažə* „тот вон (тот, что там)“.

Мальчурским *ere, tere*, монг. *ene, tere*, мн. ч. *ede, tede*, в которых конечный гласный является, собственно, эмфатическим или локализирующим элементом, аналогичны тюркские формы типа *мина „вот!, этот!“, тат., башк. ana* „вон тот!, вон там!“ и чув. **le (<äl-a)*, образованные с помощью имеющего восклицательный (звательный) характер *-a, -ä* от местоименной основы *min-, an-,* соотв. *ol*. К ним примечимо обычное склонение, например: казах. *minay* „этот вон“, *minay köñdör* „посмотрите-ка на этого“. Сюда же относятся и чув. *le* „вона!“, *leja* „вон, там“ и гольд. *eje teje*.

Кроме такого рода производных образований, существовали и другие; так, например, число указательных местоимений могло быть умножено путем соположения различных элементов. Таким способом образованы, между прочим, *чаг. ošbu (>ošü >šü)* „как раз (именно) этот, этот-то“; вост.-тюркск. *šubi, šü*, якут. *subu* (то же); *чаг. ošol, šol* „как раз (именно) тот“; казах. *sol, so*, якут. *söl*, чув. *š-avä, š-avä* „тот вон“ (< **ič + egü*).

Экклитически употребляемое в монгольском языке *kü* „прямо, смотри-ка!“ (*ene kü, tere kü, mön kü, inen kü* „действительно!“ и т. д.) соотносится, вероятно, с тюркским глаголом *kög-* „смотреть“⁷⁰ и дает объяснение для истолкования чув. местоимения с *k-*, например: *ku* „этот“, род. п. *kunän, вин., дат. п. kupa, местн. п. kupa*, твор. п. *kupan* (от *kü* или, может быть, *kü + bu* „этот“, ср. франц. *voici, voilà*), мн. ч. *kəzet*; чув. *kəžal* „нынешний

год". В сравнении с этим становится более сомнительным предположение, что кор. *ki* (> *ko*) „тот, тот вон“ и тунг. *-ke* „да!, так!“ следует этимологически связывать с этим же самым *ki*.

Возможно, что тунг. *пиҕап* „он, она, оно“, гольд. *поап* (то же) произведено от наречия *пип* „там, прямо“⁷¹, кор. *пап* ~ *пип*, при помощи *-гап* „где-то находящийся лицо (личность)“ (ср. тунг. *биҕа* „река“, *биҕаҕап* „у реки живущий“, монг. *гег* „дом“, *герген* „хозяйка дома“).

В якутском языке слово *кипи* „он, она, оно“ соответствует местоимению третьего лица. Это фонетико-историческая форма древнетюркского *кентү* „сам“ [ср. *ап, ту* „теперь“ > **andy* > якут. *апу* (то же)].

§ 42. Вопросительные местоимения

Древними вопросительными основами являются: *ка- ~ кс-* и *ја- ~ је-*. Трудно судить о том, какое исконное различие существовало в значении этих четырех основ. Современное их положение в различных языках является результатом разнообразных перемещений и новообразований.

1. *Тюркский*. Тюркск. *қа-*, например, в др.-тюркск. *қапа* „где“, уйг. *қапу*, монг. **qagana* > халх. *хәпә* (то же); др.-тюркск. *қа-пи* (< *қап-ја, қа-ја*)⁷², уйг. *қажу* „который“, *қажуси* „который из них“, казах., тат. и т. д. *қажсу*, чув. *хәс*; тат., казах. *қайда* „где“, *қайдап* „откуда, сюда“ (> венг. *hajdan*), *қасан* „когда“ (из *қа- + қа-ууп* от *сақ* „время“); др.-тюркск. *қас*, якут. *хас* „сколько“; ср.-тюркск., коман. *қалу* „если, в случае, если...“.

Тюркск. *ке-*, например, в чув. *кам* „кто“ (< **kem* или **ken*), тюркск. *ким*, монг. *кеп* (то же) (мн. ч. *ked*), *кеи* „когда“, *кер* „в случае, если...“, *как*, *кер бе* „если“, *кежіје* „когда“; калм. *кезә* „когда“, род. п. *кезәнә*, монг. *кежіјенеі* „издревле“; тунг. *қи, пи* „кто“, *қиқи, пиқи* „чей“ < **gi* < **ki*.

Тюркск. *ја-, је-*, например, в чув. *ś-ta* „где“ (< **jada ~ *jedä*); лам. *јаді* „где, что“, *иду* „где“; др.-тюркск. *пә* „что“, род. п. *пәпә ~ пәпәпә* (< **jāp ~ *jāpāp*), где, таким образом, начальный *j-* вследствие ассимиляции превратился в *p-*; койб. *пө, по* „что“ (род. п. *попуп* из более древнего *jōпуп* < **jaпуп*); якут. *tösö* „почему“ < *täsä* из более древнего **česä* < **žesä* из **jesä* (алт. *пәсә*); якут. *tuоx* „что“ из *to* „что“ + *-оx* „потому что“, „как раз“, *-duo, -tuo* в качестве вопросительной частицы — из *-žō*, тув. (Катапов) *сө* (иское *vžō, vžā*) < *žū*, койб. *пө* (из первоначального **jagup*); чув. вопросительная частица *-i* < **ja* или **je*; с чаг. *ilä-isa* „где бы то ни было“ (Радлов, I, 1478) следует сопоставить тунг. *i-* (< **je*), с др.-тюркск. *i-di joq* „ничего (не бывало)“ — финское *ei mi-ten-kään*.

2. *Монгольский*. Монг. *қа-*, например, в **qagana*⁷³ „где“, *қагаги* „куда“, *қажисі* „в каком направлении“, *қаміја, қаміга* „где“; калм. *хә ја* „кое-где, местами“; бурят. *хәпа јапа*. Монг. *ке-*, например, в *кеп* „кто“ (мн. ч. *ked*), *кедүи* (халх. *хедүи*, мон-

гор. *k'idi*) „сколько“, *кер* „как“, *кербе* „в случае, если...“, *кеи* „когда“, *кежіја*, калм. *кезә* „когда“; калм. *кезәнә* „когда-нибудь“; маньч. *кежіне* „издревле, давным-давно“; калм. *kün* (из *kegün*) „что за“, *кешәг* „если“, *кеше*, монгор. *k'ata* „некто (кто-нибудь)“, *k'ata da ugu* „никого нет (здесь)“.

Монг. *ја-, је-*, например, *јап* „что“, в калм. *кеп јап* „кос кто, некто (кто-нибудь), кто бы то ни было“, *кеп јап иге* „безразлично кто“, монгор. *јап*; калм. *кезә јазә* „в какое бы то ни было время, к какому-нибудь времени“; монгл. *јагуп* „что“; калм., бурят. *јүн* „что“, *јашбаг* „какого рода“; монг. *јакі-⁷⁴* „как его“, *јакін* „почему“; *јагүша*, калм., бурят. *јүша > іша > іма⁷⁵* „нечто“; *је-* „что“, могол. *јеш* „нечто“; др.-монг. *јекін* „почему“; вост.-монг. *іхе* „что делать“ (из *јеји*); бурят. *јүме* „нечто“; монгор. *јата* „нечто“, *јатаги* „что-нибудь делать“.

3. *Тунгусский*. Тунг. *ха-* равно гольд. *һа-*, впрочем оно перешло в *-а*, например, гольд. *һаду*, маньч. *ади* „сколько“; гольд. *һаду һаду* „в известной мере“, *һај* „кто, что“, *һајду, һајла* „где“, *һајји* „чем“, *һаі* „когда“; маньч. *ај* „что, как, что за“, *ај ај* „всякого рода“, *ај де* „где“, *адагапе* „сколько раз“, *анта* „как, зачем“; гольд. *һајзеала* „с которой стороны“, *һаосі* „куда“; тунг. *ади* „сколько“, *аскі-тап* „повсюду“ (т. е. *аскі* „куда“), *асуп, аһуп* „сколько (как много)“, *акін* „когда“. Первичное **qagu* превратилось в *хао*, а затем в *хо, һо, о*: гольд. *һоні, һон* „как“ (< **һаон*); тунгб. *аwгү* „который“ (< *һау + адьскт. суфф. -gu*); тунг. *оп* „как“, *окін* „когда“ (ср. *акін*), *окі* „сколько“, *окі-лда* „сколько дней“, *окі-га* „как часто, сколько раз“, *окікип* „довольно много“. Тунг. *ке-*, видимо, через *ге-* перешло в *қи-, қи-, қи*, диалектное *пи* „кто“. Тунг. *ја-* в большинстве диалектов перешло в *е-* (*е* заднего ряда), а *је-* перешло в *і*; *екип* „что“, *еласа* „когда“, *еласада* „всегда“ (при отрицательном глаголе „никогда“), *иду* „где“, *идук* „откуда“, *илә* „куда, где“, *илә дә* „где всегда, повсюду“, *сда* „почему“ (< *ја ода*); однако в маньч. *ја* „что“, *јаја* „какой, который, всякий“, *јака* „кто, что“, лам. *јак* (мн. ч. *јал*) „что“ (< *ја-ок*).

4. *Корейский*. Кор.-*ка, -ја* [с вариантами *-ко, -го, -кә* (< *-кај*), и *-jo, i*] — энклитические вопросительные частицы, глагольной формой от которых является причастие, т. е. они представляют собой своего рода несклоняемые имена, например, *ка-ка* „идуший?“, *ил-ка* (< *икка*) „будучи?, не так ли?“, *ип-га* „было-ли?“, *кап-га, кап-ја* „пошедший?“ и т. д. Подобные же вопросительные частицы встречаются также в языках тунгусской группы, например негид. *-ка* (*-ки, -ко, -ха, -хи, -хо*) и *-и* наряду с *wu, -u*: *wačas-ku, wačas-i* „ты убил ли?“ (Тунг. сб., стр. 166), *midukkoj-ko jūšā-wu* (или *-wa*) „он появился из воды (или как)?“ (там же, стр. 189). Точно таким же образом в качестве вопросительной частицы употребляется монг. *-и, -ии* (< *-gi* или *-ти*), так же как и *-і* (< *-je*) в той же функции (SU, § 49). — Заслуживает внимания то, что и в японском языке вопросительное предложение знаменуется энклитическим *-ка* и *-уа*, перед которым всегда стоит причастие.

Подробное рассмотрение развития приведенных выше вопросительных местоимений отдельно в каждом из языков завело бы нас слишком далеко. Следует лишь отметить, что в чувашском языке, где, например, *qap* „кровь“, *qar* „снег“ фонетически закономерно выступают в виде *jip* и *jur*, из *qai* „где, что“ получилось *j*, например, чув. *jerle* „каким образом, как“ < *je-* „что“ + *kär* „образец“ с окончанием *-lä*, *-la* < *-laju*, как *arla* „таким образом“ от *a-* < **e*, монг. *egün-* „так“.

§ 43. Вопросительное *ш-*

Кроме приведенных выше вопросительных местоимений, существует еще древнее местоимение *ш* „что“. Оно присутствует в кор. *mjet* < *mječh* „сколько?“ (окончание ср. с тюркск. *qač* „сколько“), др.-кор. *šai*, н.-кор. *wai* > *wä* „почему, зачем“, *šueš* „что“ от *ш* или **ш* и *ges* < **kes* „предмет, вещь“, так же, как и во всех вопросительных наречиях и местоимениях, которые ныне имеют в начале первого слога *ε-*, а в северных диалектах *we-*, например, *edä* „где“, *enžä* „когда“, *ette* „как“; *wej*, *we* „кто, что“, *wä* „почему“; гольд. *uj* „кто“, *ha-wuj* „что за?“; монг. *-ü* (< **wu* < **ш*); тюркск. *-mī*, *-mū* (вопросительная частица): *bar* „имеется (есть)“, *bar-mī*, *bar-mū*, а в тар. и вост.-тюркск. также и *bar-ma* „имеется ли, есть ли?“; чув. *šep* „что“, *šäze* „сколько“ (< **šičä*), *šäžep* „почему“ (от *ш* + *ičep* „на каком основании“).

Возможно, что в монгольском языке еще с древних времен в качестве энклитической частицы употреблялось как *-ш*, так и *-ju*; обе частицы могут рассматриваться как предшественники современного *-ü* (после долгого гласного *-ү*, *-ju*); *büj* „есть, имеется“, *büjü* „имеется ли, есть ли?“; монг. *uluu ajuqin* „не боитесь ли вы?“

§ 44. Суффиксы *-gu* (*-gün*) и *-ma* (*-man*)

Суффикс *-u* ~ *-ü*, монгл. *-gu*, *-gün*, который мы уже находили в монгл. *egü*, *egün-* „это“, в калм. род. п. *ü-nä*, *tegü*, *tegün* „то“ и в чув. *avä* < *egü* „этот вон“, существует также в монгл. *jagun*, калм. *jün*, койб. *pö*, тув. *žü* ~ *jü* „что“ (Катанов, *čü*), якут. *duoχ*, *tuo*, тюркск. *pägü* „что“, монг. *kegün*⁷⁶ „кто“, калм. *jün* *kün* „кто-нибудь“, тюркск. *käü* (Радлов, I, 1057), *kei* „что за, какого рода“ (Радлов, I, 1054), а позднее и в гольд. *hopi* > *hoi* > *op* „как“ (< **χagun*). Кор. *piju* „кто“ наряду с *pi* „кто“ со многих точек зрения не ясно (ср. гольд. *haj-pi* „кое-что, что-нибудь“ и *uj-pi* „кое-кто“).

Элемент *-ma* наряду с *-m* заключен в тюркск. *kim*, тув. *quš*, шор. *käm*, чув. *kaš* „кто“; могол. *ješ* „что“, *ješ ješä* „что за, какого рода“; общетюркск. *päšä*, тат. *päšä*, тув. *dzibä* (Катанов, *čiba*) „что-нибудь, что-то, кое-что, нечто“; монг. *jaguna* „что-нибудь“ и т. д. (откуда *jü-ma* > *juma* > *jima* > *-ima* > *-im*); тунг.

-šai, *ješ*, *ēša* (< *jätö*, *jama*) „что за (какого рода)“; гольд. *hamaša* (то же). По-видимому, это тот же суффикс, который встречается нам в монг. *pamaži* „меня“, *šimaži* „тебя“, *imaži* „его“.

§ 45. Неопределенные местоимения

Вопросительные местоимения с давних пор употребляются одновременно и в качестве неопределенных (кто = „некто, кто-нибудь, какой-нибудь“, что = „что-нибудь“, когда = „когда-нибудь, когда-то“ и т. д.). При помощи аугментативной частицы *da* „также“ были образованы местоимения, имеющие обобщающее значение при утвердительных конструкциях и полностью отрицательное при отрицательных: тюркск. *kim dä* „кто бы то ни был, каждый“, тунг. *pi dä*, кор. *pi do*, сев.-кор. *pi du* „все“ (в значении „кто бы то ни был“), „все и каждый (всякий)“; тюркск. *kim dä joq* букв. „кто же нет“ > „никто (никого нет)“; кор. *wä do anī* „ни коим образом“, *enže do anī* „никогда“, *enže do* „всегда, постоянно“; тунг. *idu dä* „повсюду“ (при негативном глаголе „нигде“), тунг. *ēkin da* „всё“, *ēkin da ε-* „ничего“; якут. *tuoχ ta suoχ* „ничего, никогда, ничего“; гольд. *haj da* (*hem*) букв. „что еще (всё), каждый, всякое“, *ijdu da hem* „у всех (людей)“.

§ 46. Неопределенные местоимения в энклитическом употреблении

Обычное в монгольском языке словосочетание прилагательного со следующим за ним неопределенным местоимением, например: *sajin jaguna*, *idekü jaguna*⁷⁷ („что-нибудь хорошее“, „что-нибудь съедобное“), опирается на праязыковое словоупотребление.

В словосочетаниях такого типа первый член является главным, а потому несет и более сильное ударение, для второго же члена следует ожидать ослабления ударения и различного рода сокращений; халх. *säéə* = *jün* > *sajjün*, калм. *sänimü* > *sänim*; халх. *idəəχjün* > *idəəχim*, калм. *idkimü* > *idkim* и т. д. Словосочетание „что за“ передается в монгл. *jambar jaguna*, *jagun jaguna*; в халх. *jamzrjün*; калм. *jamgimü*, *jamgim*; ср. койб. *pö päša*, тур. *pe peme*, кирг. *ešine* и т. д.; „что-нибудь“ — в кирг. *bir smä*, *bir demä* или *bir pema*; халх. *peg-jün*; калм. *pegimü* (~ *peggimü*). В монгольских былинах и песнях местоимение *jün* „что“ охотно придается существительному для сообщения ему значения обобщения, либо просто взамен недостающего для размера слога: халх. *χondoläčjündə t'arūlad* „(подхвостник) крупу (коня) приличный“ (вместо *χondoläčüdu*).

Такое же явление наблюдается на раннем этапе и в чувашском языке. Сюда относится образование, которое Анмарин (Ашмарин, § 21, стр. 175—) называет „второй формой прилагательного“, а также номинализация предложения; чув. *uzal atšm* „скверная женщина“, *uzalli* „скверный некто; тот, что скверный“ (англ. *the bad one*); чув. *šjn kilnä* „человек (есть) пришедший“, *kilni* „тот,

который пришел", *şin kilni* „то, что человек пришел“. Фигурирующее здесь *-i* — признак логического субстантивирования, является не притяжательным суффиксом третьего лица, а неопределенным местоимением **ja ~ *je*, тем же самым, которое сохранилось в чувашском языке как самостоятельное местоимение *šta* „где“. Перед этим *-i* простой согласный, как правило, удваивается; *kalas* „чтобы сказать“, *kalassi* „то, что он должен сказать“; долженствовательное наклонение в тур. *-ma-ju*, чув. *-malla*, а отсюда *-malli*.

Точно так же обстоит дело и в тунгусском, где *-i* „что“ = „что-нибудь“ встречается в виде энклитики, слившейся с предшествующим словом, например: *pēne* „оставленный, отложенный в сторону“, *pēni* „нечто оставленное (брошенное), остаток (отложенное в сторону)“ (< *pē-* „класть, положить“), *būne* „умерший“, *būni* „мертвец, смерть“ (< *bū-* „умирать“), *binē* „живой“, *binī* „жизнь“, *hawalžari* „рабочий, работающий“, *bakari* „нашедший что-либо, изыскатель“ и т. д.; далес — перед нами „инфинитив“ на *-mi*, представляющий собой *-ma* (или *-m?*) плюс *-i*. Сюда же следует отнести и *-i* в тунг. *eri* „this one“, гольд. *eji*, негид. *eji*, *oji*, тунг. *tari*, гольд. *taji* „that one“, ср. лам. *erak*, *gak* „как раз (именно) это“ (< *ere + ak* = тюркск. *-oq*, кор., чув. *-aχ*, *-ok ~ -uk*).

Субстантивированный характер этого *-i* проявляется уже не так отчетливо, как ранее, что может быть достаточно убедительно доказано на примерах *eri* и *tari*, встречающихся также и в атрибутивном употреблении.

В корейском языке и теперь еще вполне очевидно употребление и значение инфинитивного местоимения **je* (современного *-i*) с определением; данное местоимение давно утратилось в этом языке как самостоятельное слово со значением „что-нибудь“, но в качестве энклитики оно сохранилось: *i-i* „this one“, *če-i* (< *tje-i*, сев.-кор. *tje*) „that one yonder“, *ki-i* „that one“, *niłgin-i* „an aged one, старик, старуха“, *ojeŋmin-i* „юноша, ребенок“, *kanan-i* „ходок“, *kan-i* „пошедший“, *kar-i* „тот, что пойдет“ и т. д. Это *-i* сыграло важную роль в построении корейского спряжения (см. *Kor. Gr.*, стр. 93, 94, 116, *Converbum premissi*) и поныне еще воспринимается как важный языковой элемент.